

ТЕМАТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

УДК 101

DOI 0.37279/2413-1695-2021-7-3-22-38

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ВМЕСТО МАНИФЕСТА)

О.А. Габриелян¹, Ф.В. Лазарев²

¹доктор философских наук, профессор, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская федерация

Email: gabroleg@mail.ru;

²доктор философских наук, профессор, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская федерация

Email: fellazarev@rambler.ru

В условиях современного цивилизационного развития заметно возрастает интерес к практической философии, фокусирующей свое внимание на политико-правовой, моральной и социокультурной сферах жизни людей в глобализирующемся и интенсивно технологизирующемся мире. Многие исследователи относят к указанной отрасли философского знания такие дисциплины, как философия религии, моральная философия, этика права и др. Бесспорно, что практическая философия действительно включает в область своих исследований проблематику, связанную с названными дисциплинами, однако, следует заметить, что для понимания специфики практически ориентированного философствования ключевой вопрос не в том, какова структура самой практической философии, – какие дисциплины могут входить в сферу анализа практического философа, – а в том, каким способом и с какой целью философ анализирует ту или иную проблему, какие познавательные и практические результаты это может дать. Все дело в том, что любая из упомянутых дисциплин может разрабатываться самостоятельно в чисто теоретическом и историко-философском контексте. Вместе с тем, она может стать объектом особого типа рефлексии, который естественно определить, как *практическая философия*.

Человек в современную эпоху выпал из лоно традиции, из мира традиционных смыслов, ценностей и норм, оказался перед лицом мира абсурда. В такой ситуации он вынужден искать новые способы своего укоренения в бытии. В этом контексте перед философией встают новые исторические задачи. Философия XXI века, став практической, не только должна заговорить внятными человеческим языком. Должно случиться нечто большее: в свете современного антропологического кризиса возникла социокультурная потребность *вернуться лицом к человеку*, говорить с ним и для него, отвечать людям на их экзистенциальное вопрошание. Теоретический план философского дискурса необходимо дополняется практически нагруженным типом рефлексии.

Ключевые слова: практическая философия, антропологический кризис, новый тип практики, тип рефлексии, новая реальность, методология, конвергенция знания, экология человека, многомерность человека.

Актуализация практической философии в современном мире

Философия как особая форма теоретического освоения мира переживает в наше время новый этап своей эволюции. Происходит существенный сдвиг в

познавательных целях и интенциях философского дискурса. Суть этого сдвига заключается в том, что от задач построения общей картины природного и социального бытия философия все более решительно переходит к аналитическому рассмотрению конкретных проблем современного цивилизационного развития и новых вызовов истории.

Древние мыслители пытались понять, как устроен окружающий нас мир, что лежит в его основе и способен ли человек познать его. Традиция построения метафизических схем универсума продолжалась и в средневековую эпоху. В Новое время значительную часть задач по раскрытию законов и структуры мироздания берут на себя опытные науки. Спекулятивные метафизические модели мира теряют свою актуальность. В XIX в. позитивисты поставили под вопрос не только познавательную ценность метафизики, но и философии вообще. И все же, как показало время, задача осмысления и обобщения теоретических выводов естествознания остается за философией. Особенно остро в XIX в. встал вопрос о разработке общей теории общественного развития, проблем философии истории и философии культуры. Эта сфера исследований оставалась актуальной и в XX в. (теории постиндустриального и информационного общества, конфликта цивилизаций, конца истории и т.п.). Однако на рубеже XX и XXI вв. намечается качественный сдвиг в постановке задач и в методах философской рефлексии. Примечательно, что аналогичный сдвиг наблюдается и в конкретных науках. Здесь задача разработки синтетической модели мира (физика, космология, биология, экология и др.) не отбрасывается, но она меняет свой познавательный смысл. Она становится как бы задачей на перспективу и решается постепенно, по мере накопления соответствующих фактов и разработки конкретных теорий, которые в своей совокупности слагаются в нечто целое. Непосредственно же наука занята другим – решением отдельных, тесно связанных с запросами научно-технического прогресса проблем. Нечто аналогичное в постановке своих исследовательских целей переживает и философия. Она существенно расширяет фокус своего внимания, обращаясь к современным конкретно-историческим реальностям, к острым, полным противоречий и драматизма проблемам. В этом смысле мы можем говорить об *актуализации практически ориентированного философствования*. Именно практическая философия становится все более востребованной в контексте глобальных перемен в современном мире.

Понятие практики в контексте современной практической философии

Первое, что устанавливает сегодня практическая философия, это выявление факта существования целого множества качественно различных социально-исторических практик. Становится все более очевидным, что наряду с уже известным в научной литературе типом практики, связанной с материально-предметной деятельностью (производство вещей, материальных благ) история знает и такие типы практики, как культурная, политическая, правовая, военно-стратегическая и т. п. Следует учесть, что появление того или иного типа практики связано с соответствующей исторической эпохой. Например, в первобытные времена вообще не существовало производства вещей, которые отсутствуют в природе в готовом виде. Выживание

рода обеспечивалось по преимуществу собирательством, охотой и рыбной ловлей. Когда в свое время люди перешли от собирательства и охоты к систематическому производству вещей, которые не существуют в природе, это было подлинной революцией в человеческой истории.

Современная планетарная цивилизация выходит на новый этап своего развития. Этот фундаментальный факт, очевидно, нуждается во всестороннем и глубоком осмыслении. Важнейшей особенностью переживаемого нами периода истории является возникновение новых видов взаимодействия человека и окружающего его мира, в том числе появление таких типов практикования, которые оказывают глубинное влияние на сущностную природу самого человека. В этом контексте следует подчеркнуть, что современные формы деятельности людей (космизация, программирование, цифровизация, новые коммуникативные технологии и т.п.) напрямую связаны с новым типом слияния знания и прикладной сферы, мысли и дела. На наших глазах формируется *исторически новый тип практики*. Это обстоятельство не может не вызвать особый интерес со стороны философов, социологов, исследователей в области глобалистики. Похоже на то, что сегодня мы являемся свидетелями столь же масштабной революции в сфере практики, какая была в истории при переходе от собирательства и охоты к производству вещей. С середины XX в. шаг за шагом подготавливался скачок в эволюции существовавших типов практик – переход к постиндустриальному, информационному, цифровому социуму. Сегодня важной переменной в развитии новых типов деятельности связаны с внедрением в жизнь современных средств коммуникации, интернета, мобильной связи, цифровых технологий. Все это существенно меняет стиль и образ жизни нового поколения, его психологию, менталитет, систему ценностных установок и предпочтений.

Понятие практики: методологический аспект

Кант связывает понятие практики с нравственным опытом жизни индивидов, в противоположность ему Маркс видит в практике исключительно материальную, чувственно-предметную форму жизнедеятельности людей. Именно так понимаемая практика является, по Марксу, базовым способом бытия человека в мире, она выступает предпосылкой и основой, конституирующей и определяющей все остальные сферы жизни человеческого общества. «Общественная жизнь, – писал Маркс, – является по *существу практической*. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики» [1, с. 58].

Марксистская трактовка практики послужила методологической основой для выработки материалистического понимания истории и стала ключом для системного анализа структуры социума и закономерностей эволюции социума. В этом контексте материальная жизнь людей определяет все другие формы человеческой активности и выступает объяснительной матрицей в наших попытках понять все разнообразие социальных и культурно-исторических процессов.

Что можно сказать сегодня в свете практической философии о методологии Маркса, связанной с материалистическим подходом в объяснении истории? Сам

тезис о необходимости выведения тех или иных интересующих нас общественных и духовных явлений из практической сферы остается верным, но он должен быть диалектически расширен в нескольких отношениях. Во-первых, необходимо принять во внимание тот факт, что существует множество типов практик, каждая из которых может, так или иначе, определить те или иные, связанные с ней явления. Во-вторых, следует учесть, что в XXI в., как отмечалось, появляется новый тип практики, который был неизвестен во времена Маркса и который существенно определяет многие особенности современной цивилизации. В-третьих, необходимо признать, что былое противопоставление Канта и Маркса в понимании природы практики лишается смысла. Больше того, акцентирование Кантом важности морального опыта людей, как на индивидуальном, так и на межгосударственном уровне, предстает в новом контексте. Трагические события XX и XXI вв. свидетельствуют: любой вид практики, как только он отрывается от нравственного опыта человечества и оказывается в моральном вакууме, неминуемо порождает тенденции, ведущие к разрушению человека в его родовом сущностном смысле. Сегодня цивилизация столкнулась с такими угрозами, как антропологический кризис и экологические проблемы. Не случайно, формы и способы производства человеческого в человеке и борьба с попытками обезчеловечивания выдвигаются на первый план.

В современных условиях необходимо не только существенно расширить предметное поле практической философии, но и переосмыслить ее статус как типа рефлексии. Сегодня можно сказать: проблемное поле практической философии – это совокупность всех исторически складывавшихся видов практик и их влияние на человека, на развитие его сущностных сил и духовно-нравственных ценностей.

В итоге мы можем сказать, что практическая философия в ее современном звучании представляет собой с точки зрения ее проблемного поля специфический результат конвергенции таких традиционных сфер теоретического освоения мира человеком, как философия, социология, глобалистика, область стратегических исследований и т.п.

Практическая философия и процессы конвергенции знания

Современная наука вступает в качественно новый этап своей многовековой эволюции. Это связано, прежде всего, с особенностью таких научно-технических инноваций, как цифровизация, *конвергенция* технологий и др.

Процессы конвергенции, вообще говоря, наблюдаются ещё с середины XX в., но до последнего времени взаимодействие технологий, появившихся на стыке разных наук отдельных отраслей знания, не вело к их *взаимопроникновению*. Сегодня ситуация меняется коренным образом. Конвергенция приобретает особые черты именно благодаря указанному взаимопроникновению. В связи с этим можно выделить четыре измерения этого процесса. На наших глазах качественно меняются:

- объект познания;
- субъект познания;
- технологии и средства познания;

- методология познания.

Рассмотрим эти моменты подробнее.

Объект познания. Становление классической науки XVII-XVIII вв. было связано с *аналитической* парадигмой изучения природы. Учёный посредством эксперимента и научной абстракции выделял простейшие элементы, части природного мира и их отдельные свойства. Это был метод расчленения и упрощения, метод поиска устойчивых связей и закономерностей в поведении вещей. Каждая наука в итоге находила и фиксировала свой особый предмет исследования – физический, химический, биологический, социальный и т.д. Сегодня объект научных изысканий приобретает новые черты – целостности, сложности, системности. Перед взором учёных открывается *новая реальность*. Речь идёт о существовании *особого* типа *вещей* во всей их сложности и конкретности, в их взаимосвязи и взаимопроникновении. Здесь можно назвать такие сложные феномены, как ноосферы, человеческое сознание в новой реальности, мир *cogito* и т.п. Ученые все больше имеют дело с такими объектами, в которых тонко переплетается живое и неживое, естественное и искусственное, деятельность мозга и функционирование компьютера.

В последние годы полным ходом развиваются научные направления, в которых осуществляется конвергенция биотехнологий с информационными, нано- и когнитивными технологиями. Главной особенностью НБИК-конвергенции является сущностный синтез разноуровневых технологий. Осуществляемое методологической мыслью вычленение нового типа исследуемой реальности порождает потребность в ее всестороннем философском осмыслении. Возникает необходимость и ее терминологическом обозначении. В свое время философы открыли тип реальности, который они назвали «экзистенцией». Новую реальность современной науки мы предлагаем обозначить термином «коэкзистенция». Важной особенностью последней является более тонкая диалектика субъект-объектных отношений. Следует отметить, что такая ситуация возникает и в ряде других познавательных контекстов современной культуры. Как отмечает Л. Морева, сегодня философская мысль «стремится выработать такое понимание, в котором дефетишизировано не только внешнее бытие, но прежде всего бытие внутреннее, дефетишизирован сам «центр» внутреннего мира и в концепции мироздания «сохранено место» для свободы не только человека, но и мира, т.е., сохранено пространство для со-бытия для подлинной встречи человека и мира в их протекании, становлении, бесконечной сложности и уникальности» [1, с. 301-302].

Субъект познания. В классической науке субъектом познания выступает отдельная личность. Это – учёный, который исследует природу, как бы один-на-один со своим предметом. Так было во времена Ньютона, так было и во времена Эйнштейна. Тот факт, что в XX в. исследователь, как правило, работал в коллективе профессионалов (и поэтому субъектом, по сути, становится не отдельный человек, а группа), в данном аспекте не меняет статус гносеологической стороны дела. Сегодня ситуация становится существенно другой. Всё чаще возникает такой тип задач и комплексных тем, работая над которыми отдельный учёный, например, физик, вынужден находиться в постоянном творческом контакте

со специалистами других отраслей знания (химия, биология, психология, лингвистика и т.д. Суть в том, что в данном случае коллектив отличается от отдельного специалиста не только количественно, но и качественно. Существует класс задач, с которыми ученый не может результативно работать и получать нужный и инновационный продукт, не вступая в общение с профессионалами, представляющими другие науки и научные школы. Все они нуждаются друг в друге, образуя единое целое. Это целое – особый интеллектуальный ансамбль, который нуждается в дирижере. Таковым выступает методолог. Этот последний, для того чтобы эффективно выполнять свою функцию, должен иметь чёткую

методологическую модель, которая раскрывала бы основные принципы диалога в научном дискурсе. Основой такой модели может служить *интервальный подход* [3].

Технологии и средства познания. В эпоху ускорения процессов конвергенции резко меняется технологическая оснащённость исследовательской работы. НБИКС-конвергенция приводит к созданию предсказуемых и контролируемых моделей человеческого поведения. Вместе с тем, современные умные машины имитируют не только двигательную активность физические, технологические, трудовые операции человека, но и его интеллектуальные, эмоциональные и коммуникативные действия [4, с. 3-13]. Робот уподобляется человеку. Но и человек, все шире пользуясь современными технологиями, в чем-то уподобляется роботу. Современные концепции технократизма (К. Штаубурх, Г. Краух, Дж. Г. Гэлбрейт и др.) обращают внимание на исключительную роль техники и технологий не только в сфере материальной деятельности людей, но и в развитии социальной жизни общества, его духовной культуры, его аксиосферы.

Методология познания. Очевидно, что развитие и расширение масштабов современной инновационной деятельности порождает потребность в выработке соответствующих методологических инструментов и подходов. Переход от аналитической парадигмы к синтетической как современной стратегии научного разума, установка на познание целого, сложного, системно организованного, все это требует поиска новых способов интеллектуального проникновения в объект исследования. В свете процессов конвергенции возникает потребность в существенно новой методологии исследования – методологии *синтеза* и движения мысли вглубь предмета сквозь пласты искусственно абстрагированных структур, уровней, моделей, полученных на предшествующих этапах познания. При этом сохраняется общее эпистемологическое правило: подобно тому, как метод расчленения целого посредством абстрагирования только тогда был успешным, когда он соответствовал самой структуре реальности, подобно этому, и все процедуры концептуального синтезирования – это вовсе не привнесение своего видения мира в картину объекта, а движение мысли по контуру вещей. Как говорил К. Маркс, истинным должен быть сам путь отыскания истины.

Практика и нравственное измерение бытия людей

Развитие современной цивилизации все больше убеждает нас в том, что различные виды практик со временем становятся разрушительными, если они, так или иначе, отрываются от моральной практики, если они оказываются в моральном

вакууме. Это касается и сферы материального производства, политической практики (войны, геополитические столкновения, межгосударственные конфликты), в частности, практики образовательной системы (коммерциализация и духовная деградация педагогических практик). Из сказанного следует, что все методы и формы практикования должны находиться в органическом единстве с моральной практикой как требование прогрессивного хода истории в условиях глобализации. Поэтому поиск путей нравственного преобразования человека и общества может рассматриваться сегодня как *важнейшая задача практической философии*.

Очевидно, что вся практика международных отношений должна основываться на приоритете общечеловеческих нравственных установок и гуманистических ценностей. Это положение не является чем-то новым в истории философской мысли. Так, в свое время И. Кант, развивая понятие практической философии, разработал проект «Вечного мира», связанный с гармонизацией межгосударственных отношений. Однако в горизонте XXI в. идеи Канта приобретают новое и весьма актуальное звучание. Задачи гуманизации всех видов практики перед лицом противоречий нашего времени вызывают моральную озабоченность самих философов в отношении не только существующих способов бытия человека в мире, но и в отношении тех познавательных целей, которыми традиционно они руководствовались. В этом контексте практическая философия сегодня, переживая своего рода ренессанс, представляет собой такую интеллектуальную активность, которая непосредственно направлена на преобразование и духовное возрождение человека в его сущностном бытии.

В итоге мы видим, что радикальное расширение проблемного поля практической философии несколько не отдаляет ее от ее изначального смысла – быть, прежде всего, теорией блага, быть философией аксиосферы. Таким образом, практическая философия, обращаясь к проблематике производства человеческого в человеке, смыкается с проблемным полем философской антропологии. При этом в отличие от традиционной этики, которая прежде всего фокусировала свое внимание на категории *должного*, практическая философия исследует реальную *диалектику сущего и должного* в условиях растущей дегуманизации глобального мира.

Как уже отмечалось, отрыв того или иного вида практики от морального контекста порождает кризисную ситуацию. Так, мир искусства столкнулся с таким явлением, как абсолютизация эстетического начала. Еще в XX в. в культурное самосознание эпохи был вброшен лозунг «искусство для искусства». Но парадокс заключался в том, что этот лозунг, направленный на отказ от нравственного самоконтроля, на деле стал предпосылкой и условием перехода не только к неограниченной «свободе творчества», к нескончаемому «экспериментированию» в художественной сфере (театр, живопись, кино, эстрада и т.д.), но и к ее широкой коммерциализации, к превращению искусства в средство наживы и ложного успеха.

В последние годы в нашей отечественной прессе часто вспыхивают дискуссии о том, как оценивать шокирующие эксперименты театральных режиссеров на сценах ряда наших модных театров. Возмущенные зрители бьют тревогу по поводу нравственного ущерба, который может быть нанесен обществу подобными опытами, а наша либеральная интеллигенция по привычке встает на защиту

«свободы творчества». Аналогичные случаи мы наблюдаем и на некоторых художественных выставках. Но мы должны признать: нравственная глухота любого творца в сфере искусства, превращение художественного начала в самоцель, в конечном счете, неминуемо ведет к деградации и самого искусства, его гуманистического смысла и социокультурной значимости. Искусство, попадая в моральный вакуум, становится не пространством производства человеческого в человеке (каким оно было в предшествующие эпохи), а сферой оказания услуг заказчику, который заказывает то, что ему нравится. А нравится ему, как правило, то, что ему навязали с помощью технологий манипулирования сознанием.

Особенно опасна для современного общества практика коммерциализации системы образования, отрыв обучения от воспитания. Школа – важнейшее звено в формировании сущностных качеств и способностей человека. В последние годы наша школа непомерно забюрократизирована. В результате она все больше утрачивает свое сущностное измерение. Для чиновника от образования, мышление которого насквозь функционально и прагматично, школа – это всего лишь учреждение по оказанию образовательных услуг. Система образования с такими установками вряд ли будет способствовать формированию творческой личности, становлению самостоятельного критического мышления.

Следует отметить, что в современной западной культуре образование, становясь сферой услуг и утрачивая этическое начало, превращается одновременно в некий особый политический институт, навязывающий молодому поколению свои специфические «правила игры» в обществе. Показательна в этом отношении неприглядная история в канадских школах. Для школьников подросткового возраста ввели уроки так называемого гендерного воспитания, на которых рассказывают детям о «новых открытиях» в половой сфере. Оказывается, существуют не два, а множество полов. При этом учащимся внушается мысль об их праве самостоятельного выбора своей половой идентичности, включая право на смену пола медицинским путем. При этом весьма показательно, что ребенок может принять решение о смене пола независимо от своих родителей и даже вопреки их мнению или втайне от них. В случае, если родители подадут в суд на подобную практику в школе или на медиков, оперирующих детей без родительского согласия, то суд часто оказывается не на стороне родителей. Возникает парадокс: согласно общепринятой во всем мире традиции, ребенок в семье, например, не имеет право сам решать, мыть ему руки перед едой или нет, но при этом он может по своему усмотрению решать вопрос судьбоносного характера о смене пола.

Экология человека

В XX в. человечество, хотя и с опозданием, осознало свою ответственность за сохранение окружающей среды. Со временем все больше людей приходит к пониманию: то, что дано нам природой как великий дар, может погибнуть от нашей бесконтрольной хозяйственной деятельности и экологической безграмотности. Это понимание пришло к нам не сразу. Потребовалось со всей ясностью осознать, во-первых, что чрезмерная преобразовательная активность человека по отношению к природе может нарушить выработанную в ходе эволюции гармонию между

обществом и окружающей средой и обернуться против самого человека. Во-вторых, что существует глобальная опасность истощения невозобновляемых естественных ресурсов. В-третьих, природа – не средство, а в сущностном измерении – самоценность (природные ландшафты, заповедные зоны, биоразнообразие растительного и животного мира).

Но парадокс заключается в том, что в процессе мучительного формирования экологической культуры мы до сих пор не осознали в должной мере, что мы ответственны не только за внешнюю среду, но *также* и за сохранение *человека* в его сущностном измерении. Сегодня люди, наконец-то, поняли, насколько важно сохранение на планете краснокнижных растений и животных. Но мы до сих пор не отдаем себе отчета в важности сбережения на Земле человеческого в человеке, сохранения исторической памяти, вековой культуры и великих традиций. Сегодня растет угроза человеческой аутентичности в свете успехов генной инженерии, распространения ГМО, проектов трансгуманизма в духе переделки человеческой сущности и т.п. В связи с этим возникает задача поиска способов борьбы с процессами разрушения родовых, сущностных определений человека. Наступает время осознания в глобальном масштабе нашей индивидуальной и коллективной ответственности в свете угрозы антропологического кризиса. В противном случае человек как родовое существо может погибнуть – и духовно, и физически.

Почему идея ответственности всех нас, живущих на Земле, за аутентичность человеческой сущности с таким трудом пробивает себе дорогу в культурное самосознание современной цивилизации? Прежде всего потому, что глобализирующийся мир находится во власти ошибочной либеральной идеологии, связанной с толкованием природы человека. Смысл ее в том, что индивид якобы сам на основе своей интуиции и жизненного опыта выбирает для себя систему ценностей и картину мира. Поэтому никто не вправе ему что-либо навязывать. Человеческое Я – как бы абсолютный субъект жизненного выбора. Единственное, что его ограничивает в бесконечной цепочке выборов и решений – это право, правовые нормы, система взаимных обязательств между личностью и обществом. На самом деле в основе права лежит идея справедливости как моральная категория. В этом смысле правовые нормы – лишь технологическое выражение глубинных нравственных принципов и норм в мире людей с древнейших времен и до наших дней. Поэтому вопрос о моральной ответственности человека перед собой за правильность своего жизненного выбора на самом деле является фундаментальной проблемой.

Практическая философия и многомерная сущность человека

Человек по природе своей – существо многомерное. Его бытие в мире имеет множество измерений. К числу важнейших из них можно отнести такие, как социокультурная сфера, экзистенция, миры повседневности. Очевидно, что в каждую эпоху хронотопы человеческого бытования в мире имеют свои отличительные особенности, наполняясь конкретно-историческим содержанием. Если иметь ввиду современный этап цивилизационного развития, то характерной чертой бытия человека можно считать то, что оно переживает довольно затяжной

кризис. Это относится прежде всего к социокультурному пространству жизни людей.

Человечество в настоящее время стоит перед серьезными вызовами. Мир и индивид в нем находятся в состоянии пограничного существования, в экзистенциальной ситуации – «лицом к смерти». Если мир оказался на грани глобальной войны, то сам человек, его природа подвергаются испытаниям науки, техники, различных технологий, практически не имеющих социальных и этических ограничений. Эпоха Просвещения (модерна) сменяется эпохой постмодерна, не имеющей, по сути, не только своего имени, но и конструктивных ответов на современные глобальные проблемы.

Сложность заключается в том, что наряду с актуальностью проблем, скоростью их возникновения, когда человек не в состоянии справиться с калейдоскопической скоростью их появления. В обществе потребления у него пытаются развить и закрепить только одну способность – потребления. Для этого снижают порог критического мышления, рефлексии, разрушают в нем социально-ориентированную ценностную систему, делают ее относительной, ситуативной, связанной только с навязываемыми извне эгоцентричными потребностями. Исчезает способность к критическому восприятию окружающего мира, которая только и способна сохранить сознательную деятельность, направленную на осмысление собственной жизни.

Homo Consumens – человек потребляющий агрессивно вытесняет *Homo Sapiens* – человека разумного.

У массовидного индивида, как правило, нет понимания отмеченных проблем. В лучшем случае он только чувствует растерянность. Его реакции на различные вызовы – спонтанны, но в основном коррелируют с массовым поведением. Вся его «одномерность» в настоящее время стала совершенно очевидной. В современном цивилизованном обществе потребления все люди, по сути, одинаковы, так как подчиняются одним и тем же желаниям. Люди, утратили свою свободу, так как скрытый неототалитаризм приобрел изощренную технологическую (сетевую, виртуальную) форму. Ценности потребления стали настолько тотальными, что они сначала начали разрушать общее, как бы бесхозное – природу, а потом и частное – самого человека, эксплуатируя его желания. Причем потребности человека уже не определяются им самим, а навязываются ему извне. В этом смысле труд Г. Маркузе «Одномерный человек», оказался пророческим. «Хотя рабы развитой индустриальной цивилизации превратились в сублимированных рабов, они по-прежнему остаются рабами, ибо рабство определяется не мерой покорности и не тяжестью труда, а статусом бытия как простого инструмента и сведением человека к состоянию вещи» [5, с. 368].

Г. Маркузе предполагал, чтобы выйти из проблемной ситуации, человек должен совершить «Великий Отказ», то есть отказаться от навязанных императивов индустриального общества, а, следовательно, перейти к иной социальной парадигме, к иному устройству общества, экономики, политики.

Общество потребления идет к своей высшей стадии. Новый тип социальной организации – «общество наслаждения» – ставит перед нами новые вызовы. В таком

обществе из потребителя человек сам превращается в объект потребления. Неототалитаризм эксплуатирует людей и манипулирует ими посредством их желаний. Очень точно об этом говорит Ноам Хомский. Он даже составил список из десяти методов манипулирования человеческим сознанием: отвлечение внимания; проблема – реакция – решение; постепенность; отсрочка исполнения; инфантилизация народа; упор на эмоции; дебилизация населения; продвижение моды на посредственность; культивация чувства вины; отличное знание человеческой природы [6].

Миры повседневности

В своем повседневном существовании люди ментально не настолько больны, чтобы обращаться к психиатру, психоаналитику, психологу. Но многие из них утратили и ищут смысл своего существования. Еще не все стали рафинированными потребителями. Человек потерялся в быстроменяющемся мире с ситуативными правилами и принципами, а по сути, с их отсутствием. Почти каждый строит параллельную виртуальную жизнь. Философия должна подсказать, как быть (какими принципами руководствоваться) в повседневности и каковыми *должны быть* этические постулаты нового общества. Стоит сложная задача рассмотреть в повседневности это должествование. В этом фундаментальная задача современной практической философии и потенциал ее возрождения, практической актуализации.

В этих условиях возрастает роль практического философа, который «организует службу» консультирования-собеседования-исповедания. Его задача: собеседование и консультирование по основным вопросам жизни, любви, творчества, здоровья... Поэтому к произведениям практической философии можно отнести книги Дейла Карнеги или Владимира Леви. Их работы нельзя воспринимать как правила переговоров или психология личности. Они – об искусстве жить среди людей, реализовывать себя как личность. В настоящее время практическая философия все больше обретает характеристики мудрости, и в этом ее оправдание [7]. Не стоит забывать, что современность от нее отказалась. Она самоуверенно полагает, что все ответы есть в Интернете.

Нам представляется, что нужна также микрофилософия, изучающая человека в мирах повседневности со всеми его экзистенциальными проблемами. Нужны ответы не только на глобальные, но и локальные обыденные вопросы, хотя эти последние оказались рядоположенными, тесно соприкасающимися. Причем ответы нужны всем от детей до пожилого поколения. Поэтому, наверное, не случайно появились новые философские практики, философские кафе, «философия для детей». А гуру такого подхода к философии О. Бренифье пишет: «Истина коллективна, она не является ни индивидуальной, ни трансцендентальной, говорят прагматики, несомненно, в этом отношении они лучше выражают практическое измерение философствования, которое не является просто знанием, а всегда наука, знание того, как быть, как действовать, где благоразумие является конститутивной добродетелью» [8, с. 84].

Человек в глобальном мире. Точка бифуркации

Необходимо искать новые ресурсы для преодоления отмеченного кризиса и искать его надо в самом человеке как социальном существе. Очевидно, при всей «эфемерности» этических норм по сравнению, например, с экономическими императивами, они, тем не менее, всегда сопровождали человека в его истории. Эволюция человека шла от адаптивных практик на уровне первой сигнальной системы, собственно, к появлению самого *Homo sapiens* через возникновение, активное использование и развитие второй сигнальной системы.

Мы предполагаем, что третий этап развития человека – возникновение *«третьей сигнальной системы»*, как способности существования в виртуальной реальности при новом типе коммуникации. По сути, он творец этой новой реальности и себя в ней. В связи с этим следует отметить одну важную особенность второй сигнальной системы, а именно об очень важной функции речи. «Мы выяснили, что речь – ядро человеческой психики и что внушающая работа слов (прескрипция, суггестия) – ядро этого ядра» [9, с. 117]. Возникновение в процессе эволюции суггестии как особого рода вербального воздействия на психику другого человека и прескрипции как высказывания о должном, нормативном, предписывающем действии, собственно, конституировали сознание Человека Разумного и создали человеческое общество. По сути, посредством речи как знаковой системы *Homo Sapiens* стал регулировать поведение и свое, и других членов рода, тормозить и изменять импульсы первой сигнальной системы. «У порога истории мы находим не «надбавку» к первой сигнальной системе, а средство парирования и торможения ее импульсов. Только позже это станет "надбавкой", т.е. отрицанием отрицания. Важным шагом к такому преобразованию служит превращение интердикции в суггестию, хотя последняя и лежит еще в рамках инфлюативного этапа второй сигнальной системы. Суггестия становится фундаментальным средством воздействия людей на поступки и поведение других, т.е. особой системой сигнальной регуляции поведения. Эта нейрофизиологическая система взаимного отторжения и побуждения тех или иных действий предшествует возможности возникновения общественных отношений и общества, но в то же время может рассматриваться как первичная завязь общественных отношений» [9, с. 236]. Мы считаем, что этический императив в широком смысле этого понятия станет той «тормозной доминантой» и определяющей способностью, которая позволит человеку избежать самоуничтожения в цифровую эпоху.

Современный человек находится в точке бифуркации, в которой обозначились две перспективы: или трансгуманизм (киборг с трансформированной ситуативной этикой) или *Homo Deus*, так как в современном человеке сосредоточилась огромная созидательная и разрушительная сила. В этом смысле интересны мысли Ю. Харари в его книге «*Homo Deus*», которая представляет собой попытку заглянуть в будущее. В аннотации к книге написано: «Что произойдет, когда Google и Facebook будут лучше, чем мы сами, знать наши вкусы, личные симпатии и политические предпочтения? Что будут делать миллиарды людей, вытесненных компьютерами с рынка труда и образовавших новый, бесполезный класс? Как воспримут религии и

адаптируют достижения геной инженерии? Каковы будут последствия перехода полномочий и компетенций от живых людей к сетевым алгоритмам – нейросетям и искусственному интеллекту, построенному на них? Что должен предпринять человек, чтобы защитить планету от своей же разрушительной силы?.. Главное сейчас, полагает Харари, – осознать, что мы находимся на перепутье, и понять, куда ведут пути, простирающиеся перед нами. Мы не в силах остановить ход истории, но можем выбрать направление движения» [10]. Фундаментальную роль в этом выборе играет то, что в нас является принципиально человеческим, то, чем ни животные, ни искусственный интеллект не обладают. Это «нравственный закон внутри нас» (И. Кант).

Кризис будет преодолен, если человек сумеет ответить на вопросы порядка, который он ранее делегировал Богу. Человек сначала пришел к Богу, потом он отказался от Бога (атеизм), а теперь эволюционировал до такого состояния, что примеряет этот статус к себе. По крайней мере, его достижения в геной инженерии, в создании Искусственного Интеллекта, вообще в попытках создания иной формы жизни и разума делают его притязания соразмерными тем, которые во всех мировых религиях мира относились к божественному статусу.

Невозможно удалить глобальные проблемы из фокуса философии. Каково будущее социальных систем, экономики и политики, на которых они будут базироваться? Общество потребления, не единственная возможность социальной организации людей. Человечество или изменит эту организацию или погибнет. По крайней мере, сегодня становятся все более очевидными угрожающие недостатки такой формы организации людей. Потребление становится изощреннее в роскоши, удовольствиях, но оно не становится качественно иным. В этом проблема капитализма, который ничего не предложил кроме брендового потребления. А что будет, если люди отвернутся от такого потребления как от искаженной «нравственной пирамиды»? Например, меня не интересует статус вещи, меня интересует мое и другие Я! Ведь система брендового потребления навязанная установка, она не встроена в природу Homo Sapiens. Стирается грань между богатыми и бедными, не в деньгах, а в наслаждении. В этом плане капитализму нечего предложить *богатому* принципиально отличное от того, что он предлагает *бедному*. Капитализм изживает себя. С иной, экономической стороны к этому же выводу приходит и И. Валлерстайн в своей статье «Структурный кризис, или почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным». В конечном счете, он видит все тот же этический выбор, который должны сделать люди, чтобы перейти к иной системе организации мироустройства: интеллектуального, экономического, политического. Он считает, что все, что мы можем предпринять, – это попытаться проанализировать исторические мнения, сделать свой моральный выбор касательно предпочтительного исхода и оценить оптимальную политическую тактику его достижения [11].

Капитализм эксплуатирует различные чувства: страха, стыда, секса, голода и др. При этом пытается «одеть» их в этически приемлемые формы или изменить сами эти формы и даже навязать совершенно новые. В свое время М. Вебер не без основания писал о связи западного капитализма с духом протестантской этики [12].

Стоит вопрос: на какой этической системе будет построена экономическая система общества грядущего будущего?

Современная проблематика практической философии как ее предмет

Кризис, охвативший все важнейшие уровни существования людей в современном мире, делает очевидной фундаментальную востребованность практической философии. Перед ней, как мудростью, стоит задача обеспечить здравый смысл практичными формулами оптимальных действий во всех сферах жизнедеятельности человека в ситуации растущей неопределенности. Нынешняя проблематика практической философии видится следующим образом:

- практическая философия в эпоху постмодерна: траверсы классической парадигмы;
- этика в размерностях современного мира: культура, экономика, политика;
- практический разум и фундаментальные вопросы современности: поиск ответов;
- философия и этика в пространстве политики и права;
- философия ответственности и/или ювенальный прорыв?
- социальная антропология: вызовы трансгуманизма;
- философия блага и добродетели;
- сознание vs искусственный интеллект: перспектива человеко-машинных отношений;
- идеология в современном обществе: реновация, синтез, эклектика?
- ответы религии на современные вызовы: философская рефлексия;
- философия современного хозяйства и деловая этика;
- этика СМИ: деградация или новый уровень?
- возможность экологического императива;
- философия и этика насилия;
- социальные перспективы науки: потенциал и пределы;
- перипетии современного методологического сознания.

Таким образом, предметом практической философии становятся актуальные вопросы жизни человека и человечества в ракурсе не только свободы его выбора, но и моральности такого выбора, когда уже нельзя спрятаться за словами, а необходимо действовать здесь и сейчас, в повседневности. Отмеченный перечень проблем отнюдь не исчерпывает предметное проблемное поле практической философии, но дает вполне определенное представление о нем. Очевидно, что философии возвращается ее главная функция: размышляя о прошлом и настоящем человека, она имеет в виду его будущее.

В заключение хотелось бы привести слова современного французского философа, ученика Ж. Делеза, Андре Масс-Стамберже: «А если Вы имеете в виду постмодернистские идеи о человеке как «машине желаний», поверхностном, ироничном любителе коллажей, – это все есть и остается актуальным, как и общество потребления в целом. Однако, учитывая невиданное наращивание виртуальной реальности и гиперреальности, тотальное проникновение этого феномена во все сферы жизни, может быть, и следует обосновать соответствующие

дефиниции. Но выбор способа жизни – извечное и личное дело каждого. В планетарном масштабе я надеюсь на разумный выбор разумного человечества. Главное – чтобы человек остался Человеком! Верю, что наш парижский опыт практической философии хотя бы частично способствует этому!» [13, с. 276-288]. Думаем, что и наш крымский опыт может оказаться полезным.

Список литературы

1. Маркс К. Тезисы о Фейербахе / Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. – М.: изд. полит. Литературы, 1976. – 128 с.
2. Морева Л. Интеллектуальные коллизии философствования / Л. Морева // Интеллект, воображение, интуиция: размышления о горизонтах сознания. – С. Петербург, 2001. – 489 с.
3. Кураев В. И., Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания / В.И. Кураев, Ф.В. Лазарев. – М.: Наука, 1988. – 240 с.
4. Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Звездный час философии / Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. // *Вопросы философии*. – 2015. – № 12. – С. 198-203.
5. Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе – М.: REFL-book, 1994. – 368 с.
6. Хомский Н. 10 способов управления массами. URL: <https://philologist.livejournal.com/9793398.html>. Дата обращения: 09.09.2021
7. Лазарев Ф.В., Трифонова М.К. Оправдание мудрости / Ф.В. Лазарев, М.К. Трифонова. – Симферополь: Синтагма, 2011. – 556 с.
8. Бренифье О. Искусство философской практики: философские установки / О. Бренифье // *Социум и власть*. – 2018. – № 1 (69). – С. 80-87.
9. Поршнев Б. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии) / Б. Поршнев. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
10. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Ю.Н. Харари – М.: Синдбад, 2019. – 496 с.
11. Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? // И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун. Сборник статей. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 320 с.
12. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 460 с.
13. Препотенская М. От café-philosophy – к горизонтам практической философии / М. Препотенская // *Філософія освіти. Philosophy of Education*. – 2017. – № 2 (21) – С. 276-288.

O.A. Gabrielyan, F.V. Lazarev. Practical philosophy: modern transformations and prospects (instead of the manifest) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2021. – Vol. 7 (73). – № 3. – P. 22–38.

In the conditions of modern civilization development, interest in practical philosophy is noticeably increasing, focusing its attention on the political, legal, moral and socio-cultural spheres of human life in a globalizing and intensively technologizing world. Many researchers attribute such disciplines as philosophy of religion, moral philosophy, ethics of law, et to this branch of philosophical knowledge. It is indisputable that practical philosophy really includes in the area of its research the problems associated with these disciplines, however, it should be noted that to understand the specifics practically oriented philosophizing, the key question is not what is the structure of practical philosophy itself, – which disciplines can be included in the scope of analysis of a practical philosopher, but in what way and for what purpose the philosopher analyzes a particular problem, what cognitive and practical results it can to give. The point is that any of the above-mentioned disciplines can be developed independently in a purely theoretical and historical-philosophical context. At the same time, it can become an object of a special type of reflection, which is naturally defined as practical philosophy.

In the modern era, man has dropped out of the bosom of tradition, from the world of traditional meanings, values and norms, and finds himself in the face of a world of absurdity. In such a situation, he is forced to look